

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

Научная статья
УДК 94(4-21)|653|:930

Контексты изучения средневекового города, или О пользе «бесплодных» дискуссий в истории исторической науки

Л. П. Репина

¹Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32 а

²Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, ¹главный научный сотрудник, заведующий Отделом историко-теоретических исследований; ²профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, lorinarepina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, AuthorID: 1263

Аннотация. В настоящей статье автор продолжает свои размышления о принципиальном значении и эвристическом потенциале последовательного изучения материалов научных дискуссий для историко-историографического исследования. В контексте современных обсуждений проблем теории истории и темпоральных аспектов исторического сознания стоит обратить внимание на концепцию «сложного настоящего» Ханса Ульриха Гумбрехта, который подчеркивает существенные изменения, произошедшие в восприятии времени в XXI в., в результате ухода от парадигмы прогресса, с характерным для этой модели постоянно сжимающимся коротким настоящим. Напротив, согласно концепции Гумбрехта, разделяемой автором статьи в ее основных положениях, новое настоящее XXI в. – это время скрытого сосуществования множества прошлых. С этой позиции в настоящем исследовании на примере продолжительной дискуссии советских историков о средневековом городе обсуждается роль кажущихся бесконечными и бесплодными научных дискуссий в стимулировании новых исследовательских вопросов и той подспудной работы в поисках ответа на них, которая влечет за собой освоение нового материала, реконфигурацию предметного поля, постоянную переинтерпретацию и своеобразную интерференцию сформированных на каждом предыдущем этапе концепций, без чего было бы невозможно развитие исторической науки.

Ключевые слова: научные дискуссии, «сложное настоящее», средневековый город, преемственность, контекстуализация, история исторической науки

Для цитирования: Репина Л. П. Контексты изучения средневекового города, или О пользе «бесплодных» дискуссий в истории исторической науки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 459–466. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

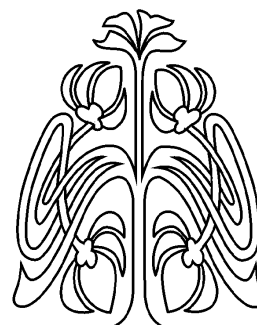
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

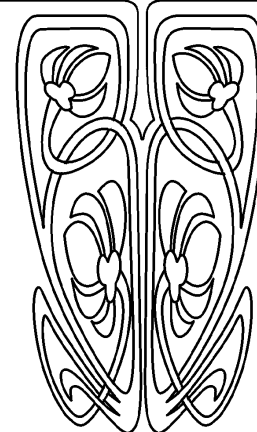
Contexts for studying a medieval city, or On the benefits of “fruitless” discussions in the history of historical science

L. P. Repina

© Репина Л. П., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

¹Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32 a Leninsky Ave., Moscow 119991, Russia

²Russian State University for the Humanities, 6 Miusskay Square, Moscow 125047, Russia

Lorina P. Repina, lorinarepina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, AuthorID: 1263

Abstract. In the article, the author continues reflections on the fundamental importance and heuristic potential of the consistent study of materials of scientific discussions for historical-historiographic research. In the context of modern discussions of the problems of the theory of history and temporal aspects of historical consciousness, it is worth paying attention to the concept of the “complex present” by Hans Ulrich Gumbrecht, who emphasizes the essential changes that have occurred in the perception of time in the 21st century, as a result of the departure from paradigm of progress, with a constantly shrinking short present characteristic of this model. On the contrary, according to Gumbrecht’s concept, shared by the author of the article in its main provisions, the new present of the 21st century is a time of hidden coexistence of many pasts. From this position the article, using the example of a long discussion of Soviet historians about a medieval city, discusses the role of seemingly endless and fruitless discussions in stimulating new research questions and that work in search of answers to them, which entails the attraction of new source material, reconfiguration of the subject field, constant reinterpretation and peculiar interference of the concepts formed at each previous stage, without which the development of historical science would be impossible.

Keywords: scholarly discussions, “complex present”, medieval city, continuity, contextualization, history of historical science

For citation: Repina L. P. Contexts for studying a medieval city, or On the benefits of “fruitless” discussions in the history of historical science. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 459–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-459-466>, EDN: DYKOOI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В монографии Х. У. Гумбрехта [1] и изданной на русском языке его статье «Филология и сложное настоящее» [2] речь идет о том, что в «новаторской конструкции темпоральности» в нашем новом «сложном» или «широком настоящем» парадигмы и феномены прошлого, доступные и готовые к использованию, накладываются друг на друга. В этом пространственно-временном контексте, утверждает Х. У. Гумбрехт, мы стремимся понять, как в текстах прошлого «отпечатывались материальные следы и симптомы социальных ситуаций» [2, с. 72], в которых эти тексты бытовали.

Концепция «сложного настоящего» имеет важное значение для современной истории науки вообще, истории гуманитарных наук и собственно истории исторической науки. В такой парадигме содержание исследуемого исторического текста чрезвычайно разрастается, открывая новые возможности для анализа всех его пластов. Более 20 лет назад этот феномен, требующий от нас изменения исследовательской стратегии, был описан Л. М. Баткиным в его полемическом комментарии по поводу выступления М. Л. Гаспарова в одной из научных дискуссий, материалы которой опубликованы в альманахе «Одиссей. Человек в истории». Обсуждение вопроса о переводе как проблеме культуры в самом широком общегуманитарном смысле этого слова потребовало «развернуть» тезис о «стереоскопичности» и дополнительности разных по тенденции интерпретаций в новом направлении. Суть этого ценного в эпистемологическом плане предложения такова: на каждом новом этапе развития исторического знания «прежние корректные толкования не забываются и не перечеркиваются, но занимают иное, уже не системообразующее, а частное место», а расхождения между сформированными на данный момент в науке общими понятиями и конкретным материалом (во всем его пространственном и временном многообра-

зии) увеличиваются по мере накопления этого материала. Все новые контексты бытования изучаемых текстов в Большом времени выявляют в них смыслы, которые в их собственной «современности», т. е. в «малом времени» ситуации их создания, проявиться не могли [3, с. 352–353]. Тем не менее, имея в виду это обстоятельство и размышляя с позиции сегодняшнего сложного настоящего о прежних интерпретациях и о дискуссиях, завершенных в свое время без очевидного результата, можно заметить скрытые импульсы к расширению предметных полей, освоению новой проблематики, разработке инновационных методик и развитию тех направлений, без которых уже невозможно представить современную историческую науку.

В такой перспективе совершенно по-новому раскрывается тернистый путь, пройденный в XX в. советской историографией, который, несмотря на монолитную идеологию и всеобъемлющую методологию, был отмечен целым рядом активных профессиональных дискуссий. Одна из них – дискуссия о средневековом городе.

Позволю себе привлечь внимание к высказыванию об этой дискуссии одной из ее активных участниц – Аделаиды Анатольевны Сванидзе в ее юбилейном интервью, опубликованном в журнале «Средние века» в 2009 г. [4]. Интервьюер задал вопрос: «В 70-х годах XX в. советская медиевистика словно заново “заметила” проблему средневекового города. Началась дискуссия о месте города в феодальной формации. Довелось принять в ней участие и Вам. Это была первая (и, кажется, пока единственная) серьезная дискуссия, посвященная урбанистической тематике. Как Вы могли бы оценить этот эпизод из жизни отечественной медиевистики сейчас, по прошествии стольких лет?». Отвечая на вопрос, А. А. Сванидзе справедливо поправила интервьюера, отметив, что дискуссия была не одна, так как споры в на-

учной печати продолжались, и подчеркнула, что они интересны прежде всего тем, что в них «получили четкое выражение различия между двумя позициями в отношении *социальной сущности* средневекового города вообще, точнее, соотношения города (конечно, преимущественно «центра ремесла и торговли»), феодализма и Средневековья... Дискуссия же в целом оказалась бесплодной, поскольку так и не породила новых подходов к проблеме функций и сути средневекового города в целом» [4, с. 11].

Этот вердикт представляется слишком суровым. На мой взгляд, несмотря на жесткие ограничения, которые условия того времени накладывали на поиск новых подходов методологического характера, дискуссии 1960–1970-х гг., стимулировав многочисленные исследования по истории отдельных средневековых городов на разных этапах их развития, дали, бесспорно, позитивный результат – впечатляющее приращение исторического знания: публикации этого периода ввели в научный оборот не только солидный корпус новых эмпирических данных, но также важные обобщения о специфике регионального развития и реализацию контекстуального подхода, к которому некогда призывал Е. А. Косминский, говоря о необходимости изучения «города и деревни в едином контексте» [цит. по: 4, с. 13]. Такой подход был объективно обусловлен внутренними потребностями развития исторической науки. Не случайно, что одновременно и тоже в череде развернувшихся дискуссий аналогичное направление утверждало свои позиции в зарубежной историографии под флагом системного подхода «новой социологии и истории города», а позднее – на волне пространственного поворота – в «новой региональной истории».

Вернемся, однако, к дискуссиям советских историков о проблеме средневекового города, интерес к которым оказался долговременным: к их предметному содержанию и концептуальным предложениям так или иначе обращались авторы всех последующих отечественных историко-урбанистических исследований, испытывая необходимость определиться со своей собственной позицией. Эта операция мне хорошо знакома по личному опыту работы над кандидатской диссертацией и первой монографией [5]. А по прошествии десятилетий, уже после выхода отечественной историографии из жестких рамок единственно верной теории формаций и пережитого методологического хаоса, обострившийся на рубеже веков интерес к теоретическим поискам и коммуникативным стратегиям сообщества медиалистов советского периода выразился в серии специальных статей (в том числе в межвузовском научном сборнике «Средневековый город»), а также в реализации полномасштабных диссертационных исследований или в специальных главах историографических диссертаций нового поколения историков.

Упомяну лишь несколько более или менее успешных попыток анализа научной полемики прошлого или ее значимых фрагментов. Помимо диссертационных работ Е. Ю. Полховской «Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века» [6], Т. И. Ромадиной (Вахромеевой) «Проблема типологии развития городов в странах Западной Европы Высокого Средневековья в отечественной историографии второй половины XX века» [7], Е. В. Афонюшкиной «Изучение английского средневекового города в отечественной историографии» (2012) [8], не меньшего внимания заслуживает опубликованная еще в 1997 г. небольшая статья А. В. Хрякова «Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы» [9], прежде всего, потому что в ней была впервые поставлена нетривиальная задача дать краткий анализ судеб отечественной исторической науки сквозь призму дискуссий о происхождении средневекового города.

А. В. Хряков выделил и определил последовательные этапы обсуждения этой проблемы, начиная с работ В. В. Стоклицкой-Терешкович (1885–1962) [10], которую автор назвал первым российским урбанистом (хотя, на мой взгляд, этого статуса, скорее, заслуживает А. К. Дживелегов, издавший свою книгу «Средневековые города Западной Европы» в 1902 г., переизданную недавно, в 2020 г.) [11], и Я. А. Левицкого (1906–1970) как автора марксистской теории возникновения средневекового города, получившей в западных учебниках название «ремесленной». Кстати, не могу не отметить отнюдь не случайное «совпадение» – два значимых труда для последующего развития урбановедческих штудий в советской медиевистике вышли в свет практически одновременно, в 1960 г.: это книги В. В. Стоклицкой-Терешкович «Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв.» [12] и Я. А. Левицкого «Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв.» [13].

Поставив задачу осветить развитие советской историографии в фокусе обсуждения происхождения средневекового города, А. В. Хряков сразу обратился к дискуссиям 1970-х гг., пропустив, к сожалению, более раннюю дискуссию по проблеме возникновения средневекового города в Западной Европе, вызванную одноименным докладом М. Я. Сюзюмова на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» (30 мая – 3 июня 1966 г.). Между тем материалы дискуссии середины 1960-х гг., опубликованные в 1968 г. в сборнике «Средние века», явственно обнаруживают ее содержательную и логическую связь с последующими спорами. Как известно, в центре внимания оппонентов, выступавших на этой сессии, была проблема континуитета или дисконтинуитета позднеримского полиса и раннесредневекового города. Однако считаю

важным обратить внимание на то, что концептуальное содержание доклада и опубликованного в 1968 г. текста [14] вопросом о континуитете не ограничивалось. Отмечу минимум четыре важных момента.

Во-первых, М. Я. Сюзюмов предложил развернутое определение понятия «город», согласно которому содержание этого понятия «включает в себя те функции, которые город выполняет в развитии общества, социальный состав городского населения в разные эпохи существования самого города, культурный облик последнего и его роль в оформлении общественной идеологии и развитии науки». При этом было подчеркнуто, что содержание любого явления или общественно-института может исторически изменяться и, переходя в новое качество, «оказываться полностью измененным» [14, с. 77]. И напротив, сущность явления или института «представляет собой то определяющее общее, что характерно для данного явления в различных условиях его существования». Это «определяющее общее», сохраняющееся несмотря на все изменения, пережитые в процессе общественного развития, выделось в отделении одной части населения – «горожан», от другой – «жителей деревни» и неизбежном выделении «особых центров экономики и культуры» [14, с. 77–78].

Во-вторых, в число материальных причин, определивших «происхождение города как института, выполняющего особые функции в развитии общества», автор доклада включил, помимо обязательной отсылки к «развитию производительных сил», «необходимость обособления непроизводительных профессий» и «появление потребности в оформлении идеологии для упрочения складывающихся производственных отношений». Логика последующего рассуждения разворачивается, по сути, в оригинальную концепцию происхождения города как такового: «Представители непроизводительных профессий, работники умственного труда могут успешно развивать свою деятельность только в условиях взаимного общения, имея более широкий кругозор, в обстановке, при которой возможен выход из рамок местной ограниченности. Наиболее благоприятствовало этому создание особого общественного института – города» [14, с. 78]. И далее: «Приспосабливаясь к потребностям лиц непроизводительных профессий, ремесло принимало городской характер и тем самым уже отделялось от сельского хозяйства» [14, с. 81]. Нетривиальность этого рассуждения отнюдь не снимается цитатой из классиков марксизма, гласящей: «Наибольшее разделение материального и духовного труда – это отделение города от деревни» [15, с. 49]. Ведь для М. Я. Сюзюмова именно выделение непроизводительных профессий являлось главным в процессе становления города и оформлении его полифункциональности. Предложенная полномасштабная дефиниция «город как общественный институт в пору его генезиса» включала

такие позиции, как «центр отделения умственного труда от физического», центр «превращения натурально-хозяйственного продукта в товар», «центр товарно-денежного обращения», центр «создания специфически городского производства», а также «как правовая категория и как преимущественный центр развития идеологии, просвещения, знаний» [14, с. 81].

В-третьих, доказывая преемственность развития средневекового города из позднеантичного полиса в органах городского управления, в хозяйственной и культурной сферах, М. Я. Сюзюмов отнюдь не абсолютизировал эту преемственность, специально указывая на то, что античный город в новых условиях приобрел средневековые черты [14, с. 78], что «характер функций города как общественной организации» и последующая тенденция его прогрессивного развития «в направлении к капиталистическому городу» зависели от «глубочайших изменений социального порядка» [14, с. 81].

В-четвертых, было особо подчеркнуто, что сущность континуитета состоит «в наличии единства исторического процесса», и признание континуитета города, ставшего «неотъемлемым достоянием человеческой культуры», «вовсе не означает отрицания революционных преобразований». В поддержку своего понимания исторического процесса М. Я. Сюзюмов привел знаковую цитату из все той же «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1846 г.): «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [15, с. 44–45]. Тем не менее такая диалектическая интерпретация роли преемственности в историческом процессе осталась участниками дискуссии незамеченной в тени допшианской «буржуазной» теории континуитета.

Основные тезисы доклада М. Я. Сюзюмова не получили поддержку ни на самой научной сессии, ни после нее, ни в ходе последующих дискуссий, однако необходимо обратить внимание на то, что реакция оппонентов на оспариваемые положения не ограничилась резкой критикой по разным основаниям, включая, кстати, не совсем корректные ссылки на отсутствие данных источников о функционировании городов в Раннее Средневековье, а также на то, что «утверждать... преемственность их развития можно только вопреки фактам» [16, с. 94].

В связи с задачей настоящего исследования, не вдаваясь в подробности изложения уже хорошо известных противостоящих тезисов, считаю важным подчеркнуть следующее: в перспективе

полемика стимулировала аргументированные позитивные высказывания ее участников, в которых на основе их личного опыта конкретно-исторических исследований прозвучали ценные идеи, во многом определившие как содержание и ход последующих дискуссий, так и проблематику будущих аналитических разработок в области истории средневекового города, в том числе на базе построения его сравнительной типологии, которые во многом предвосхищали новации в западной исторической социологии 1970-х гг.

Отмечу, прежде всего, три статьи, опубликованные в том же выпуске сборника «Средние века»: во-первых, статью А. Д. Люблинской «Типологии раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза», главные концептуальные положения которой получили позднее развернутое эмпирическое обоснование в ее статье 1975 г. «Сельская община и город в Северной Франции в XI–XIII вв.» [17, 18]; во-вторых, статью Л. А. Котельниковой «Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма» [19, 20] и, в-третьих, остро полемический обзор С. М. Стама «Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города», направленный против теории континуитета и идеи «филиации урбанизма», в продолжение полемики на сессии 1966 г. [21–24]. Примечательно, что в преамбуле автор сослался на то, что еще в начале 1930-х гг. Е. А. Косминский, «вырабатывая общий курс средних веков сделал очень много для утверждения в нашей науке марксистской концепции средневекового города. Возникновение средневекового города как следствие отделения ремесла от земледелия он рассматривал вместе с тем как органическую составную часть тех глубоких экономических и общественных сдвигов, которыми отмечены переломные для западноевропейского феодализма XI и XII столетия и которые вылились также в крестовые походы и в широкий процесс внутренней колонизации» [21, с. 72]. И не случайно относительно позитивные оценки были даны С. М. Стамом тем работам «буржуазных историков», которые рассматривали возникновение средневекового города, опираясь на междисциплинарные подходы, открывающие новые предметные поля в рамках гуманитарной географии, социальной топографии, исторической демографии, а также в свете процессов внутренней колонизации (в работах Ж. Дюби, Л. Женико и др.).

Таким образом, в рассматриваемой дискуссии советских медиевистов, наряду с резкой критикой, прозвучали конструктивные идеи, получившие впоследствии развитие как в собственных монографических исследованиях ее участников [25], породивших в свою очередь новые дискуссии, так и в мировой науке второй половины XX в.

Параллельно в течение 1960–1970-х гг. шел во многом аналогичный процесс за рубежом под влиянием известного социологического поворота

в западной историографии и становления исторической урбанистики как научной дисциплины. Мне пришлось подробно писать об итогах этого процесса еще 40 лет назад, посвятив данной теме статью «История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике» [26], опубликованную в историографическом ежегоднике «История и историки» в 1984 г. В 1970-е гг. в результате широкой дискуссии в западной историографии об отношениях между историей и социологией историческая урбанистика стала местом приложения сил сторонников междисциплинарных исследований, город понимался как сложный структурно-функциональный комплекс, в изучении которого ведущее место заняли сравнительно-типологический и социально-контекстуальный подходы. Контекстуальный подход мыслился как вариант системного, предполагавший соблюдение принципа детерминации локальных форм социально-экономическим или социально-политическим контекстом. При всей гетерогенности западной урбанистики того периода, главные успехи «новой социологии и истории города» были связаны с опорой на концепцию Макса Вебера, с переходом от теорий социальной автономии города к анализу его одновременно как целостного организма и как части совокупной общественной системы, в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу. Изучаемый многофункциональный объект как определенная сложная целостность включался в общую сеть интерлокальных, региональных и надрегиональных связей.

Огромное влияние на историческую урбанистику 1970-х гг. оказали также синтетические бродячие концепции городских ареалов – пространств, пронизанных связями разного характера, плотности и интенсивности [27–29]. Комплексное понятие «городской ареал» обозначало те пространства, в которых город данного типа, выступая субъектом исторического действия, реализовал свои многообразные экономические, политико-административные и культурные функции, а его типологические особенности определялись направлениями и масштабами проходившего через город движения людей и вещей, посредством которого осуществлялись обращение товаров, контроль за территорией, а также передача культурного опыта. Иными словами, город выступает как центр пространств различной конфигурации, образуемых его зоной снабжения продовольствием и сырьем, зоной регулярных товарообменов, зоной притока иммигрантов, зонами посреднической или дальней торговли, административным округом, а эмпирически определяемые параметры этих зон отражают ранг и роль города в иерархической системе городских поселений: рыночных местечек, локальных, провинциальных, региональных, надрегиональных центров.

С распространением «новой истории и социологии города» по-новому звучала и тематика, связанная с исследованием процесса урбанизации. Здесь уместно упомянуть короткую статью Жоржа Дюби «Урбанизация в истории», в которой автор, говоря об исходивших из деревни импульсах развития, породивших этот процесс, и о взаимосвязях «двух миров» (сельского и городского), определил как актуальную задачу исторической науки изучение темпов, факторов и форм урбанизации в их историческом развитии и создание региональной типологии [30].

Отметим, что характерной чертой историко-урбанистических штудий 1970 – начала 1980-х гг. была ориентация на различные версии структурно-системного подхода. Особым влиянием в этом направлении в 1980-е гг. стала пользоваться теория структурирования выдающегося британского социолога Энтони Гидденса [31], посвятившего свою первую монографию анализу социальных теорий Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. В наиболее развернутом виде концепция города (прежде всего средневекового) с позиции теории структурирования в ее историко-материалистическом изводе была сформулирована и представлена М. А. Баргом [32]. Эта концепция опиралась на общее понимание исторического процесса как процесса «беспрерывного и бесконечного формообразования», обратной стороной которого выступает «беспрерывная деструктуризация».

М. А. Барг писал, ссылаясь, конечно же, на классиков марксизма: «История творит живые формы человеческого общения столь же неустанно, как и разрушает их. И в этом нескончаемом потоке пребывает живым лишь то, что открыто будущему, не завершено» [32, с. 122–123]. Поставив задачу разобраться в механизме формообразования, М. А. Барг выделил следующие типы социальных структур: 1) формы унаследованные (типичный пример унаследованной структуры на протяжении всего Средневековья – католическая церковь, которая, несмотря на внутренние перемены, как подсистема оставалась неизменной); 2) формы приспособленные, преобразованные (пример – община как форма социальности в разных фазах ее развития, приспособляющаяся к новой целостности, претерпевающая изменения); 3) формы, возникшие в результате процесса дифференциации более ранних структур; 4) формы, появившиеся в процессе интеграции более ранних структур; 5) формы, вновь найденные, возникавшие как ответ на новые потребности общественного развития; 6) формы, заимствованные извне, «пересаженные» на другую историческую почву [32, с. 123–124].

Принципиальное значение М. А. Барг придавал третьему типу, «поскольку это – столбовая дорога формообразования». В качестве наглядного примера он приводил именно возникновение средневекового города как «...образец расщепления хозяйственного субстрата деревни раннего

средневековья на две обособленные структуры (вслед за отделением ремесла от земледелия)». Причем в этом процессе усматривается не только факт дифференциации структур, но и «доказательство нового формообразования». В своем логическом построении М. А. Барг акцентирует внимание на то, что «с дифференциацией прежних структур складывается не просто более густая сеть структур; вновь образованные структуры... входят в обширные единства (структуры) как сопряженные подсистемы (город и деревня в средние века), внутренне структурированные и внешне связанные с более обширной целостностью» [32, с. 125]. Только по поводу форм, заимствованных извне, «пересаженных» на другую историческую почву, М. А. Барг высказался предельно кратко: «Этот разряд столь ясен, что их выявление и истолкование не представляет большого труда» [32, с. 126].

М. А. Барг иллюстрировал значимость «обратной» активной *содержательной* функции форм именно на примере средневекового города. Позволю себе просто воспроизвести это интересное рассуждение почти полностью в соответствующей терминологии: «Средневековый город как форма, как общественная структура возник... в результате расщеплений, дифференциации экономического базиса раннефеодальной деревни, возник как ее антитезис, как ее противоположение в области производства: деревня – центр земледелия, город – центр ремесла. Однако кто взялся бы оценить или даже просто перечислить все последствия этой столь односложной, на первый взгляд, “оппозиции” во всех других сферах общественной жизни? В самом деле, сколько общественных форм было, в свою очередь, порождено городом, для скольких форм он стал колыбелью? В области производства средневековый город, как известно, вызвал к жизни... новую общественную структуру ремесла и торговли. На уровне политических форм город стал колыбелью коммунального строя. В сфере духовной город вызвал к жизни светскую культуру и, следовательно, в далекой исторической перспективе – рационализм и просвещение» [32, с. 126]. Таким образом, средневековый город оказал обратное влияние на реструктуризацию старых форм, включая феодальную деревню.

Итак, можно констатировать, что в советской и в западной историографии 1960–1970-х гг. переосмысление феномена города, в том числе города средневекового, шло в одном направлении, в соответствии с логикой познания и основными тенденциями развития науки того времени, при всей очевидности категориально-терминологических и теоретико-методологических различий. Это был общий тренд к междисциплинарному синтезу и построению эвристически ценных регионально-типологических моделей рассмотрения урбанизационных процессов и городских структур.

Каждый последующий методологический поворот в мировой историографии проходил через

горнило дискуссий, нередко вызывая ощущения кризиса и невозможности найти в этих концептуальных спорах истину, однако, как правило, порождал не только всплеск интереса к новым темам и экспансию предметного поля, но и обогащение исследовательского инструментария.

Антропологический поворот радикально преобразовал проблематику исторической урбанистики. В последней четверти XX в. вышел на первый план вопрос о «городском пространстве» как сфере, где действуют специфические формы солидарности и социальной напряженности; где пересекаются различные культурные и властные структуры. В ходе изучения форм повседневности, ценностных ориентаций, стереотипов поведения различных слоев и групп городского населения укреплялось представление о городе как о специфической социокультурной целостности, базирующейся на сложной системе специфических взаимосвязей и взаимодействий между индивидами и общностями, между нормой и практикой, ценностными ориентациями и формами коммуникаций. Очень скоро основные усилия историков-урбанистов сосредоточились на анализе социальных групп городского населения и связей внутри городского сообщества. Городские социальные общности разного уровня стали рассматриваться, с одной стороны, как форма гарантии безопасности и интересов индивида и коллективных привилегий, а с другой – как органы общественной солидарности, обеспечивавшие интегрирование индивидов в единый организм через включение в городские социальные микроструктуры: семью, соседство, цех или гильдию, общину, приход, другие общности и корпорации. Внимание к внутригородским горизонтальным связям сопровождалось освоением методов сетевого анализа. Микроисторические исследования во многом изменили представление о городской жизни Средневековья и раннего Нового времени, открыв целый мир разнообразных межличностных контактов.

В целом в урбанистике начала 2000-х гг. произошло принципиальное расширение горизонта представлений о городе как историческом феномене. Город как одна из важнейших форм социальной жизни оказался в центре исследовательских полей исторической географии и социальной топографии, исторической демографии и экономической истории, исторической психологии и истории социальности, истории локальной и региональной, национальной и транснациональной и даже глобальной.

Пространственный поворот начала XXI в. в истории и других социально-гуманитарных науках существенно повлиял на обновление проблематики и подходов, нацеленных на разностороннее понимание спатальных структур в обществах прошлого и современности. Как выразился Жак Ревель, каждый исторический актор «участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального

до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты» [33, с. 117]. Актуализация трансдисциплинарных региональных исследований на фоне споров, возникающих по вопросу определения, а точнее, конструирования границ изучаемых регионов открывает новые перспективы в исторической урбанистике, и особый интерес представляют перспективы региональной компаративистики.

Открывшееся многообразие исторической действительности, несводимой к универсальным формулам, включает противоположные позиции старых дискуссий в общий познавательный контекст. В 2002 г. А. Я. Гуревич, мысленно подводя итоги давней дискуссии начала 1970-х по поводу его книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», задал существенный вопрос из нашего «сложного настоящего»: «Если попытаться охватить умственным взором социальные отношения в разных регионах Европы и на разных этапах средневековья, то не предстанет ли Запад куда менее феодальным, чем это казалось предшествовавшим поколениям историков?» [34, с. 270].

Крутой разворот исследований в поле социокультурного анализа открыл новые перспективы во всех предметно-тематических областях исторического знания. В этом контексте полемика вокруг вопроса о феодальности или не-феодальности средневекового города перешла в сферу изучения истории науки.

Впрочем, это всего лишь промежуточный итог. Историческая урбанистика, как и отечественная медиевистика в целом, без сомнения, отнюдь не исчерпала свои необозримые возможности, и я надеюсь, что новые повороты внесут конструктивный вклад в ее дальнейшее развитие.

Список литературы

1. Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. New York : Columbia University Press, 2014. 112 p.
2. Гумбрехт Х. У. Филология и сложное настоящее / пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). С. 68–77.
3. Баткин Л. М. О проблеме «чужого текста» и о том, был ли «настоящий Петрарка» // Одиссей. Человек в истории: слово и образ в средневековой культуре. 2002 / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2002. С. 345–353.
4. Юбилейное интервью с Аделаидой Анатольевной Сванидзе // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (4). С. 8–25.
5. Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. 221 с.
6. Полховская Е. Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. 215 с.

7. Ромадина Т. И. Проблема типологии развития городов в странах Западной Европы высокого средневековья в отечественной историографии второй половины XX века : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 220 с.
8. Афонюшкина Е. В. Изучение английского средневекового города в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 248 с.
9. Хряков А. В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // Исторический ежегодник. 1997 / гл. ред. А. В. Якуб. Омск : ОмГУ, 1997. С. 76–83.
10. Стоклицкая-Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в Западной Европе. М. : Издательство АН СССР, 1936. 343 с.
11. Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. М. : Юрайт, 2020. 216 с.
12. Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1960. 350 с.
13. Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М. : Издательство АН СССР, 1960. 304 с.
14. Сюзюмов М. Я. Возникновение средневекового города в Западной Европе // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 77–87.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
16. Обсуждение доклада М. Я. Сюзюмова // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 88–118.
17. Люблинская А. Д. Типологии раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9–16.
18. Люблинская А. Д. Сельская община и город в Северной Франции в XI–XIII вв. // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 116–128.
19. Котельникова Л. А. Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 100–115.
20. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. (по материалам центральных и северных областей). М. : Наука, 1987. 256 с.
21. Стам С. М. Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 72–83.
22. Стам С. М. Движущие противоречия развития средневекового города // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93–105.
23. Стам С. М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI–XIII вв.) // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 256–273.
24. Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности // Средневековый город : межвузовский сборник научных статей / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. Вып. 2. С. 3–45.
25. Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов : Издательство Саратовского университета, 1969. 432 с.
26. Репина Л. П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и историки : историографический ежегодник. 1980 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1984. С. 88–111.
27. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle : in 3 t. T. 1 : Les structures du quotidien. Paris : Armand Colin, 1967. 544 p.
28. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle : in 3 t. T. 2 : Les Jeux de l'échange Broché. Paris : Armand Colin, 1967. 599 p.
29. Braudel F. Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle : in 3 t. T. 3. Le Temps du monde. Paris : Armand Colin, 1979. 607 p.
30. Duby G. L'urbanisation dans l'histoire // Études rurales. 1973. № 49–50. P. 10–13.
31. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
32. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М. : Наука, 1984. 342 с.
33. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996: Ремесло историка на исходе XX века / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Coda, 1996. С. 110–127.
34. Гуревич А. Я. «Феодальное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Одиссей. Человек в истории: слово и образ в средневековой культуре. 2002 / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2002. С. 261–293.

Поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 28.06.2024